
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Андрей Тим

Кроманьонец-человек

«Автор»
2026

Тим А. Н.

Кроманьонец-человек / А. Н. Тим — «Автор», 2026

Фантастическая Сага. О бессмертии и его последствиях.Действия будут происходить в разное время. От эпохи верхнего палеолита, до наших времён. Будет интересно!

© Тим А. Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
«Кхар тууу» 5
Глава 2 11
«Урсолкхал " 11
Глава 3 17

Андрей Тим
Кроманьонец-человек

Глава 1.

«Кхар тууу»

Много сотен, тысяч лет
Живёт на свете кроманьонец человек.
Он видел первый в мире свет,
Он слышал, как ломался лёд на реках.
Стоял у устьев этих рек.
Застал он каменный топор и крик звериный.
Рождение богов в пещерной тьме,
И сам стоял с копьём у той трясины.
Где мамонт уходил к сырой земле.
Он видел, как в пустыне злой и жгучей,
Шёл плотник, что учил прощать врагов,
И как на холм, прозванный Лысой кручей,
Взошли три тени под венцом из роз и тернов.
Он помнит гвозди их стук и дребезжанье.
Когда на пыльный глядя Виа Долороза.
В толпе стоял, скрывая содроганье,
Пока казнили странного Христа.
Как тяжко помнить каждый век и зиму.
Быть и рабом, и воином, царём.
Идти сквозь Рим, гоящий в едком дыме.
И греться у Везувия огнём.
Встречать рассвет и видеть тьму навек.
Крестовый ход, революции костры и бунт машин,
Он тот, кто в мамонтовой кости профиль.
Хранит, как вечный странник и лишённый исполин.

Тим А.Н.

Солнце только начало подниматься над горизонтом, окрашивая ледники на вершинах гор в цвет брусничного Морса. Долина, где раскинулось стойбище племени «Кхар ту"(холодные люди), еще тонула в сумраке. Это была земля контрастов: здесь, у подножия хребта, лежали последние островки леса — корявые сосны и березы, вцепившиеся корнями в каменистую почву. А дальше, насколько хватало взгляда, простиралась Великая Степь, по которой бродили стада мамонтов и бизонов. Над Уральским хребтом висел туман, густой, как молоко, и скалы проступали из него медленно, будто просыпались.

Место это, лежало на самой границе двух великих сил — степи и камня. Это была земля, которая сейчас называется Челябинской областью.Кроманьонцы же дали ей,совсем другое название, а именно— Хар ззз ма, что на их языке означало «Холодная земля».

С востока, насколько хватало взгляда, уходила бескрайняя тундростепь: белое море холмов, покрытых снегом, с тёмными пятнами валунов, похожих на спины спящих гигантов. Здесь, в этой холодной и продуваемой ветрами равнине, бродили стада мамонтов, шерстистых носорогов и северных оленей, а под снегом прятались карликовые берёзы и жёсткая трава, которой они кормились.

А на западе, прямо из этой степи, вставали горы. Не высокие, но дикие, изъеденные ветрами и временем. Скалистые гребни Южного Урала, поросшие соснами и лиственницами, вцепившимися корнями в гранит, поднимались над равниной, и между ними прятались глубокие гроты и пещеры — трещины в скалах, где можно было укрыться от пурги и хищников. Археологи потом найдут в этих местах следы людей верхнего палеолита: стоянку на реке Урал, где лежали кости мамонта и угли древних очагов, и Игнатьевскую пещеру на реке Сим, где на стенах были нарисованы мамонты и носороги. Но племя и даже их старейшины ничего этого не знали. Для них это была просто земля, которая кормила и убивала, и единственное, что имело значение, — сумеет ли он прожить ещё один день.

Первое, что он услышал сквозь сон — это мерный стук кремня о кремень. Кто-то из женщин уже начал высекать искру для утреннего костра. Пещера встретила его сырым запахом камня и старого дыма, кислой шкуры и прелого сена. Скинув с себя тяжелое покрывало из волчьих шкур. Остывшая земля, на которой он лежал, впитала в себя всё тепло его тела. Он сел, разминая затекшие мышцы, и посмотрел на угли вчерашнего костра — серые, мёртвые. Наш герой стал замечать, что последнее время он испытывает странные ощущения. Словно внутри него просыпается некая сущность, что-то тёмное, древнее. Не просто желание выжить — а голод. Голод хищника. И в ту же секунду пришло осознание: чтобы этот мир не забрал его, он должен забирать первым.

Кроманьонец по имени Тур пробирался сквозь утренний туман, и его дыхание вырывалось изо рта белыми клубами пара, тут же оседая ледяной крошкой на жесткой щетине подбородка. Мир вокруг еще спал, укутанный в серую пелену. Лагерь племени, приютившийся под защитой огромной скалы, напоминал огромный муравейник, который только-только начал шевелиться. Дым от десятков очагов поднимался к серому небу, смешиваясь с низкими облаками. Вокруг было царство камня и льда. Скалы, под которыми они жили, были изъедены ветрами, их поверхность покрывали рисунки — бизоны, олени и странные спирали, нарисованные охрой еще предками. У подножия скал суетились люди: дети гоняли палками замерзший помет, мужчины проверяли наконечники копий, женщины выносили шкуры для просушки. Тур присел на корточки у входа в свою пещеру. Под ногами хрустел снег, смешанный с пеплом вчерашнего костра. Воздух был настолько чистым и морозным, что, казалось, его можно было резать кремниевым ножом. Внизу, в долине, раскинулась бескрайняя тундра. Сейчас она была похожа на застывшее море — волны холмов покрыты белым саваном, лишь кое-где проступали темные пятна валунов, словно спины гигантских спящих китов. Осмотрев эту территорию Тур, с радостью осмотрел всех и очень громко с рокотом крикнул Кхар тууу, что означало некую утреннюю поверку личного состава. Все от мало до велика должны были выйти для обзора

вожака. Лишь только лежачим больным или раненным дозволялось не являться на построение. Иногда в момент отсутствия Тура, поверку мог провести один из старейшин.

Их было семьдесят четыре. Не много и не мало — ровно столько, сколько могла прокормить эта суровая земля на границе степи и Уральских гор. Но дело было не только в числе. Каждое имя в племени было не просто звуком. Оно было знаком. Меткой. Памятью о том, кем человек был, что сделал и какое место занимает среди своих. Имена давали не при рождении — их заслуживали. Или получали от духов, от старейшин, от самой земли. И потому каждый знал: его имя — это не просто слово. Это его суть.

Охотники. Пятнадцать мужчин. Те, кто идёт впереди.

Их называли «те, кто идёт впереди», потому что они первыми видели опасность и первыми встречали её. Они были копьями племени, его глазами и его стеной. Без них Хар эс ма давно бы исчезла, стёртая с лица земли голодом или клыками хищников.

Тур — имя, которое давали за силу и упрямство. Оно означало «Тот, кто не сворачивает». Так называли быка-тура, огромного, мощного зверя, который шёл напролом, не замечая преград. Тур получил своё имя не при рождении. В детстве его звали иначе — коротко и незначительно. Но когда ему было двенадцать зим, он в одиночку отогнал от стада молодого волка, не убежав и не позвав на помощь. Старейшина тогда сказал: «Он не сворачивает». Так он стал Туром.

Гарм — имя, которое означало «Рычащий». Его давали тем, кто был громким, злым и не умел сдерживать ярость. Гарм получил его в детстве, когда в драке с другим мальчишкой прокусил ему плечо и рычал, как пёс. С тех пор он вырос, заматерел, стал лучшим следопытом. Но имя осталось. И вместе с ним — привычка рычать на тех, кто стоял у него на пути. Шрам на подбородке — от пещерного медведя — он получил три зимы назад. С тех пор его стали звать Гармом-Медвежьим-Шрамом, но чаще просто Гармом. Он был вторым после Тура. И это его грызло изнутри.

Ворн — имя, означавшее «Быстрый, как ворон». Его давали тем, кто умел исчезать и появляться неожиданно. Ворн был жилистым, гибким, с длинными волосами, заплетёнными в косу. Два пальца на левой руке он потерял на морозе, но это не мешало ему метать дротики точнее всех в племени. В бою он не любил прямой схватки — кружил, жалил, исчезал. Как ворон, который кружит над добычей, выжидая момент.

Торг — имя, означавшее «Тяжёлый, как камень». Его давали за невероятную силу и медлительность. Торг был огромен, с широкой грудью и шрамом от когтей пещерного льва — тот случай, когда он выжил, но потерял половину зубов. Он не умел быстро бегать и не любил думать. Но в схватке он был как каменный молот: шёл напролом, не чувствуя боли. Враги отступали, потому что драться с ним было всё равно что драться со скалой.

Остальные двенадцать охотников носили имена, данные за меткость, за выносливость, за умение читать следы. Каждое имя было историей. Каждое — обещанием.

Ремесленники. Десять человек. Те, кто помнит огонь.

Их называли «те, кто помнит огонь», потому что они хранили знания. Не только умение добывать пламя, но и всё, что племя знало о мире: как отбить кремень, как выделать шкуру, как вырезать из кости фигурку духа. Без них племя осталось бы голым и безоружным перед лицом холода.

Крем — имя, означавшее «Кремень». Его давали тем, кто умел находить нужный камень и превращать его в оружие. Крем был жилистым, сгорбленным над работой, с пальцами, изрезанными и стёртыми до кости. Его глаза, вечно прищуренные, видели трещины в камне, которые не видели другие. Он мог одним ударом отбить наконечник, который проходил сквозь шкуру мамонта, как сквозь воду. Племя звало его просто Кремом. Другого имени ему не требовалось.

Бора — имя, означавшее «Узел». Его давали тем, чьи пальцы умели связывать, соединять, плести. Бора резал по кости. Он был маленьким, высохшим, с узловатыми пальцами и шеей, унизанной бусами из собственных работ — зубов, позвонков, раковин. Его руки, казалось, жили отдельной жизнью. Он делал иглы, шила, украшения и ритуальные фигурки. Каждая вещь, выходившая из-под его рук, была не просто предметом — она была памятью о том, кто её сделал.

Мира — имя, означавшее «Тёплая». Его давали тем, кто приносил тепло в холодный мир. Мира выделывала шкуры. Сильная, с широкими плечами и руками, вечно бурыми от дубильных растворов. У неё не хватало части правого уха — отморозила в детстве. Её шкуры были мягкими, как мох, и тёплыми, как живое дыхание. Без неё племя замёрзло бы в первую же пургу.

Остальные семеро — косторезы, деревообработчики, мастера по оружию — носили имена, данные за точность, за терпение, за умение видеть в мёртвом материале живую форму.

Женщины и дети. Двадцать пять душ. Те, кто несёт жизнь.

Их называли «те, кто несёт жизнь», потому что они были будущим племени. Не слабые, не зависимые — просто их сила была другой. Они рожали, кормили, растили, лечили, хранили очаг и передавали знания. Без них племя было бы просто стаей охотников, обречённой вымереть в первом же поколении.

Айна — имя, означавшее «Лунная». Его давали девочкам, родившимся в полнолуние, или тем, у кого глаза были светлыми, как лунный камень. Айна была невысокой, с тёмными волосами, заплетёнными в две косы, и глазами цвета мокрого камня. На левой ладони — длинный шрам от ножа. На шее — ожерелье из лисьих зубов, подарок Тура после первой совместной охоты. Она была не просто женой воина. Она была той, кто видит сны. Племя приходило к ней за советом, когда старейшины молчали. Её слово имело вес. И её сон о живой воде и огне в руках Тура ещё не был разгадан.

Дрок — имя, означавшее «Росток». Его давали мальчикам, родившимся весной, когда из-под снега пробивалась первая зелень. Дрок, сын Тура, был высоким и худым, как молодой олень. Волосы тёмные, как у отца, глаза серые, острые. На правом колене — шрам от падения на камни. Он уже ходил с охотниками, учился ставить силки и читать следы. В его взгляде уже просыпалось то же тёмное, голодное чувство, что и у отца. Он хотел быть как Тур. И боялся, что не сможет.

Лайя — имя, означавшее «Свет». Его давали девочкам, родившимся на рассвете, или тем, кто приносил в племя радость. Лайя, дочь Тура, была маленькой, светловолосой — редкость в племени, где все были тёмными. Глаза голубые, как лёд. У неё не хватало переднего зуба, и она постоянно пачкалась. Но её смех был таким звонким, что даже старейшина улыбался, когда слышал его. Она была светом племени. И Тур, глядя на неё, чувствовал, что готов убить любого, кто посмеет причинить ей боль.

Остальные женщины — жёны охотников, матери, дочери — носили имена, данные за силу, за выносливость, за умение хранить тепло. Они собирали коренья и ягоды, готовили пищу, шили одежду, рожали детей и хоронили мёртвых.

Старики. Двадцать четыре души. Те, кто помнит начало.

Их называли «те, кто помнит начало», потому что они хранили память племени. Не только имена предков, но и истории, законы, запреты, ритуалы. Они уже не ходили на охоту, но их руки всё ещё делали иглы, сети, ловушки. Их глаза всё ещё видели то, что не видели молодые. Их голоса звучали на советах, и к ним прислушивались.

Орн — имя, означавшее «Орёл». Его давали тем, кто видел далеко и говорил редко, но метко. Орн был высок и прям, несмотря на шестьдесят две зимы за плечами. Волосы и длинная борода — белые, как снег на вершинах. Левый глаз слепой — белый, как облако, — но правый видел остро, как у молодого. Лицо изрезано морщинами, как русло пересохшей

реки. Он носил плащ из медвежьей шкуры и посох с вырезанными символами. Он решал, когда племени двигаться, когда охотиться, когда молиться. Его слово было законом. Но даже он иногда смотрел на Тура и молчал, потому что чувствовал: время охотников уходит, и на смену ему идёт время воинов.

Сарна — имя, означавшее «Лань». Его давали женщинам с тёмными, глубокими глазами и мягкой, но уверенной походкой. Сарна была низкой и коренастой, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу. У неё не хватало нескольких зубов, но глаза были чёрными и острыми, как обсидиан. Она носила ожерелье из костяных бусин и сумку с целебными травами и охрой. Она была целительницей, повитухой и хранительницей очага. Она знала, какие травы лечат, какие убивают, и какие вызывают видения. Её боялись и уважали в равной мере. И она была единственной, кто мог спорить с Орном — и иногда побеждать.

Остальные старики — бывшие охотники, ремесленники, матери — носили имена, данные за мудрость, за терпение, за умение молчать и слушать. Они были памятью племени — живой, дышащей, незаменимой.

Семьдесят четыре человека. Один лагерь. Одна земля — Хар эс ма. И один воин, который встал между ними и смертью. Его имя теперь знали все. И оно означало: «Тот, кто не сворачивает».

Два слова. «Холодные люди». Не приказ, не мольба — зов. Так кричали, когда звали своих. Так кричали, когда нужно было, чтобы все услышали и пришли. И лагерь ответил.

Первыми, как всегда, вышли охотники. Они спали ближе к выходу из пещер, потому что в любой момент могли понадобиться. Гарм появился из темноты своего грота, на ходу затягивая ремень из волчьей кожи. Его бритый череп блестел от инея, шрам на подбородке побелел на морозе. Он встал в строй, но не рядом с Туром — чуть поодаль, скрестив руки на груди. Смотрел прямо, но в глазах — тёмное, недовольное. Он вышел не потому, что позвал Тур. Он вышел потому, что позвали всех. И это было важно.

За ним — Ворн, гибкий, с косой, перекинутой через плечо, с двумя обрубками пальцев на левой руке, которые он не прятал. Он встал легко, пружинисто, как будто уже был готов бежать. Торг вывалился из своей пещеры, огромный, медлительный, с шерстью, прилипшей к плечу. Он зевнул так, что хрустнула челюсть, и встал в строй, даже не пытаясь скрыть, что ему всё равно.

Остальные двенадцать охотников выходили один за другим — кто-то быстрым шагом, кто-то вразвалку, кто-то ещё дожёвывая кусок вчерашнего мяса. Они вставали в линию, и их дыхание поднималось над лагерем, как дым ещё одного костра.

Следом — ремесленники. Крем вышел, сгорбленный, с кремниевым ножом, заткнутым за пояс, и с пальцами, изрезанными так, что на морозе они кровили. Он встал в строй, не поднимая глаз, — ему было всё равно, кто стоит рядом, лишь бы можно было вернуться к работе. Бора появился, звеня бусами из зубов и позвонков, и его узловатые пальцы теребили край шкуры. Мира вышла с широкими плечами, с руками, бурыми от дубильных растворов, и встала так, чтобы ветер не дул в лицо. Остальные семеро — косторезы, деревообработчики, мастера по оружию — заняли свои места. Их руки, казалось, даже в строю продолжали работать: кто-то перебирал кремень, кто-то проверял остриё, кто-то просто сжимал и разжимал пальцы, чтобы не замёрзли.

Потом пошли женщины и дети. Айна вышла первой — невысокая, с двумя косами, с ожерельем из лисьих зубов на шее. Она встала так, чтобы видеть Тура, и её глаза цвета мокрого камня смотрели спокойно. Рядом с ней — Дрок, высокий, худой, с серыми глазами, которые уже смотрели на отца не как на отца, а как на воина. Он встал чуть шире, чем нужно, пытаясь казаться больше, чем был. Лайя держалась за руку матери, светловолосая, голубоглазая, с дыр-

кой от выпавшего зуба. Она зевала и тёрла глаза, но не плакала. В Хар эс ма дети не плакали по утрам. Слишком холодно было тратить силы на слёзы.

За ними — остальные женщины, матери, дочери. Они вставали в строй молча, привычно, как будто делали это каждое утро всю жизнь. Кто-то поправлял шкуру на плечах, кто-то прижимал к груди младенца, кто-то просто стоял, глядя вперёд, на Тура, и ждал, что он скажет.

Последними вышли старики. Орн появился, опираясь на посох с вырезанными символами, в плаще из медвежьей шкуры. Его белая борода была в инее, слепой глаз смотрел в никуда, но правый — острый, как у молодого, — скользнул по строю и остановился на Туре. Он встал в центре, и старики сомкнулись вокруг него. Сарна вышла следом, низкая, коренастая, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу, с сумкой целебных трав на боку. Она встала рядом с Орном, и они вдвоём — старейшина-мужчина и старейшина-женщина — образовали ось, вокруг которой держалось всё племя.

Семьдесят четыре человека. Все на месте. Тур обвёл их взглядом — медленно, от края до края. Он видел Гарма, который смотрел на него с вызовом. Видел Ворна, готового бежать. Видел Торга, которому было всё равно. Видел Крема, который думал о своей работе. Видел Айну, которая смотрела на него с доверием. Видел Дрока, который хотел быть как он. Видел Лайю, которая ещё не понимала, что происходит, но уже стояла вместе со всеми. Видел Орна, который ждал. Видел Сарну, которая молчала.

Тур поднял руку. Строй замер.

— Кхар туу, — сказал он, и голос его звучал тихо, но слышно было каждому. — Сегодня мы живы.

Он сделал паузу. Ветер прошёл по строю, поднимая снежную пыль.

— Сегодня мы будем готовиться. Охотники — проверить копья и дротики. Ремесленники — наточить наконечники, сделать новые. Женщины — собрать камни для пращей, насушить мяса. Старики — молиться духам и смотреть в огонь. Мы не ждём. Мы готовимся.

Он опустил руку. Строй дрогнул, но не рассыпался. Люди ждали, что он скажет ещё что-то. Но Тур молчал. Он смотрел на запад, где за скалами скрывался чужак. И тёмное, голодное чувство внутри него просыпалось снова. Оно не спало. Оно ждало.

Гарм фыркнул, но не сказал ничего. Ворн усмехнулся. Торг зевнул. Айна посмотрела на Тура и едва заметно кивнула. Орн стукнул посохом о землю — раз, другой, третий — и строй начал расходиться. Но каждый, кто уходил, знал: сегодня они не просто живут. Сегодня они готовятся к тому, что придёт.

Глава 2

«Урсолкхал "

Утро после поверки не было похоже на обычное. Обычно после слов старейшины люди расходились кто куда — кто к костру, кто к реке, кто к своим инструментам. Но сегодня Тур сказал: «Готовимся», и это слово повисло над лагерем, как морозный туман. Охотники не разошлись. Они остались на площади, переминаясь с ноги на ногу, поглядывая то на Тура, то друг на друга.Тур обвёл их взглядом. Двенадцать пар глаз смотрели на него — кто с надеждой, кто с вызовом, кто с привычным равнодушием. Он поднял руку, и строй замер.— Ворн, — сказал он. — Говори.Ворн вышел вперёд. Он не любил стоять на виду, но сейчас вышел легко, пружинисто, как будто только и ждал, когда его позовут. Коса, перекинутая через плечо, блестела от инея. Два обрубка пальцев на левой руке он не прятал — наоборот, держал руку так, чтобы все видели: он потерял их в снегах, но всё ещё быстрее всех.— Вчера на закате я ходил к реке, — сказал Ворн. Голос у него был негромкий, но чёткий, как удар кремня. — За скалами, где река поворачивает на север, у старой ивы. Там был след. Большой. Очень большой.Он присел на корточки и пальцем начертил на снегу круг — размером с валун.— Вот такой. Глубокий. Снег в отпечатке не успел затвердеть — значит, зверь прошёл ночью. И ещё: рядом с отпечатком — борозда. От рога. Длинная, широкая. Он волочил рог по снегу, когда шёл.Гарм, стоявший чуть поодаль со скрещёнными руками, подал голос:— Старый. Одинокий. Больной.Ворн кивнул.— Да. След неровный. Он хромал на левую переднюю. И шёл медленно. Такой не убежит.Тур слушал молча. Он смотрел на круг, начерченный Ворном на снегу, и в его голове уже складывалась картина: старый носорог, одинокий, хромой, уставший от жизни. Такой не боится никого, потому что пережил всех своих врагов. Но и драться с ним тяжелее — он не побежит, он пойдёт напролом.— Носорог — это мясо, — сказал Тур. — Много мяса. Шкура. Рог. Нам нужно всё. Но он опасен. Старый носорог не убегает. Он атакует. И если мы не убьём его с первого удара, он заберёт кого-нибудь с собой.Охотники молчали. Они знали это. Каждый из них видел, что может сделать носорог с человеком.— Гарм, — сказал Тур. — Ты идёшь со мной. Ты будешь читать след. Ворн — ты идёшь впереди. Ты самый быстрый. Если носорог бросится, ты должен отвлечь его. Увести в сторону. Торг — ты остаёшься.Торг, огромный, медлительный, с топором на плече, недовольно заворчал.— Почему я? — прогудел он. — Я хочу на охоту.— Потому что ты нужен здесь, — сказал Тур. — Если чужак придёт, пока нас нет, ты должен прикрыть женщин и детей. Ты сильный. Ты медленный. Но у входа в лагерь ты будешь стоять, как скала. Никто не пройдёт.Торг помолчал, потом кивнул. Он знал, что Тур прав. Он всегда знал.— Остальные, — продолжил Тур. — Девять охотников идут со мной. Трое остаются с Торгом. Мы выходим, когда солнце поднимется над дальней скалой. Крем!Крем вышел вперёд, сгорбленный, с кремниевым ножом за поясом и с руками, изрезанными так, что на морозе они кровили. Он нёс связку наконечников — длинных, острых, отбитых с такой точностью, что свет играл на гранях.— Берите, — сказал Крем. Голос у него был хриплый, как скрип камня о камень. — Каждый — один. Остальные — про запас. Эти пройдут сквозь шкуру носорога, как сквозь воду. Я проверял.Охотники начали разбирать наконечники. Каждый брал свой, осматривал, проверял остриё пальцем. Кто-то привязывал к древку сыромятным ремнём, кто-то просто заткнул за пояс. Ворн взял два — один для лука, один про запас. Гарм выбрал самый длинный, с изогнутым краем, и повертел его в руках, проверяя баланс.Мира, женщина с широкими плечами и бурыми от дубильных растворов руками, уже вынесла из своей пещеры свёрток. В нём были ремни — длинные, прочные, из воловьей кожи. Она положила свёрток перед охотниками.— Для носилок, — сказала она. — Если туша тяжёлая, понесёте на ремнях.

И ещё — вот. — Она достала мешочек. — Жир. Смажьте древки, чтобы не скрипели на морозе. И руки. Иначе копьё выскользнет.Охотники начали смазывать руки и древки. Жир пах топлёным салом и дымом. Тур взял горсть, растёр между ладонями. Пальцы, потрескавшиеся от холода, заблестели.Бора, маленький, высохший, с бусами из зубов и позвонков на шее, подошёл к Туру. В его узловатых пальцах был кремниевый нож — не простой, а с вырезанным на рукояти знаком. Спираль. Символ жизни.— Возьми, — сказал Бора тихо. — Я сделал его прошлой ночью. Рукоять из рога. Лезвие из лучшего кремня. Если носорог подойдёт близко — это тебя выручит.Тур взял нож. Он был лёгким, удобным, как продолжение руки. Он посмотрел на Бору и кивнул.— Спасибо, — сказал он. — Я верну его с кровью носорога.Бора улыбнулся — беззубо, криво, но тепло.— Верни его с собой, — сказал он. — Кровь — не главное.Айна подошла к Туру, когда он проверял копьё. В руках она держала мешочек с сушёным мясом и маленький кожаный кисет.— Мясо — на случай, если охота затянется, — сказала она. — А это — охотничья мазь. Сарна сделала. Из трав. Если ранят — приложишь к ране.Тур взял мешочек и кисет. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не холод, не голод. Что-то другое.— Ты видела сон, — сказал он. — Про огонь в руках.Айна кивнула.— Я не знаю, что это значит, — сказал Тур. — Но я чувствую: это важно. Когда вернусь — расскажешь мне всё. До конца.Айна посмотрела на него и улыбнулась — редко, коротко, но тепло.— Возвращайся, — сказала она. — Тогда расскажу.Дрок, сын Тура, стоял в стороне, у края площади, и смотрел на отца. В его руках было маленькое копьё — не игрушка, а настоящее, сделанное специально для него. Он держал его так, как держат взрослые: двумя руками, крепко, уверенно. Тур подошёл к нему.— Ты остаёшься, — сказал Тур. — Ты ещё мал для носорога.— Я знаю, — сказал Дрок. — Но я буду охранять лагерь. С Торгом. Если чужак придёт, я его увижу первым.Тур посмотрел на него. В серых глазах сына было что-то, что он узнал. Голод. Тот самый, который он носил в себе с утра. Он положил руку на плечо Дрока.— Смотри в оба, — сказал он. — И слушай Торга. Он медленный, но он знает, что делает.Дрок кивнул. Он не улыбнулся. Он был серьёзен, как взрослый.Лайя, светловолосая, голубоглазая, с дыркой от выпавшего зуба, подбежала к отцу и обняла его за ногу. Тур присел, взял её на руки. Она была лёгкой, как пучок соломы.— Ты вернёшься? — спросила она.— Вернусь, — сказал Тур. — Принесу тебе рог. Большой. Ты сможешь трубить в него, и все будут знать: это Лайя.Она засмеялась — звонко, как колокольчик. Тур поставил её на землю и посмотрел на запад.Солнце поднялось над дальней скалой. Пора.

Орн, старейшина, стоял у входа в лагерь, опираясь на посох. Его белая борода была в инее, слепой глаз смотрел в никуда, но правый — острый, как у молодого, — следил за каждым движением охотников. Когда Тур проходил мимо, Орн поднял посох и преградил ему путь.— Тур, сын Гхара! — сказал он. Голос был хриплый, но твёрдый. — Сегодня ты ведёшь двенадцать. Верни мне двенадцать. Не одиннадцать. Не десять. Двенадцать.Тур посмотрел на него. Долго. Молча.— Верну, — сказал он.Орн опустил посох. Тур прошёл.Сарна, старейшина-женщина, стояла у костра с сумкой трав на боку. Она не сказала ничего. Только бросила в огонь щепотку сухих листьев. Дым поднялся густой, сладковатый, и поплыл над лагерем, уносясь к небу. Это была молитва. Или предупреждение. Тур не знал. Но он почувствовал, как холод внутри него стал ещё твёрже.Охотники вышли из лагеря, когда солнце поднялось над скалами, но не согрело их. Ветер дул с запада, с гор, и нёс запах снега и камня. Двенадцать человек шли гуськом, след в след, как волчья стая. Впереди — Ворн, лёгкий, быстрый, с луком на плече. За ним — Гарм, который читал снег, как другие читают лица. Потом — остальные, с копьями и дротиками. Замыкал цепочку Тур.Они шли вдоль реки, где лёд ещё не сомкнулся и вода чернела в прорубях, как открытые глаза. Скалы сменялись низинами, поросшими карликовой берёзой и можжевельником. Снег здесь был неглубокий, но жёсткий, как соль. Идти было легко. Говорить — нельзя. На охоте звук уходит далеко, а зверь слышит лучше человека.Через

два часа Ворн поднял руку. Все остановились. Он присел на корточки и показал на снег. Там, у кромки кустарника, был след. Глубокий. Широкий. С бороздой от волочащегося рога.

След вёл их на север, вдоль реки, туда, где скалы смыкались с низиной и начиналось гиблое место. Тур знал его. Здесь река разливалась широко и неглубоко, и каждую зиму вода выступала из берегов, замерзала, потом оттаивала, потом снова замерзала. Получалось болото, покрытое коркой льда, под которой хлюпала чёрная вода. Идти здесь было опасно: можно было провалиться по пояс, а то и по грудь. Но зверь выбрал именно это место. Старый, хромой, он искал тишины. Или смерти.

Они шли медленно. Ворн — впереди, лёгкий, пробуя лёд древком копья перед каждым шагом. За ним — Гарм, пригнувшись, читая снег. Дальше — остальные, растянувшись в цепочку. Тур замыкал. Он смотрел по сторонам и чувствовал, как холод внутри него сжимается в тугой комок. Что-то было не так. Слишком тихо. Даже ворон не кричал.

Местность вокруг была мёртвой. Слева — река, чёрная, с белыми пятнами льда, похожими на кости. Справа — скалы, поросшие мхом и лишайником, серые, будто выцветшие от времени. Между ними — низина, заваленная буреломом. Коряги торчали из снега, как рёбра мёртвого зверя. Ветер здесь стихал, и от этого тишина становилась ещё гуще. Пахло гнилью, мокрой землёй и чем-то ещё — тяжёлым, кислым. Запахом старого зверя.

Носорога,они увидели издалека. На своём языке они называли его «Урсолкхал», что означало «Древний закрывающий солнце». Между собой охотники называли его просто " Сокхал». Он стоял у самой воды, огромный, тёмный, как обломок скалы. Шерсть на нём свалялась колтунами, местами вылезла, обнажая серую, покрытую струпьями кожу. Бока впали, рёбра проступали под шкурой, как брёвна под снегом. Он был худ. Не просто старым — измождённым. Но рог, длинный, изогнутый, с зазубринами и трещинами, всё ещё поднимался над головой, как кривой клинок. И глаза, маленькие, налитые кровью, смотрели на них без страха. Без ярости. С тупым, древним знанием: я умру, но заберу вас с собой.

Он хромал. Левая передняя нога подгибалась, и каждый шаг давался ему с трудом. Он тяжело дышал, и пар вырывался из ноздрей с хрипом, как из кузнечного цеха. Когда он повернул голову, под кожей на шее натянулись жилы, и стало видно, как они дрожат от напряжения.

— Старый, — прошептал Гарм. — Совсем старый. Он еле стоит.

— Он стоит, — сказал Тур. — И будет драться.

Он распределил охотников. Ворн — слева, у реки, с луком. Гарм — справа, за буреломом, с копьём. Остальные — полукругом, за корягами. Ждать. Когда носорог повернётся к Ворну, ударить в бок. Все сразу.

Они ждали. Носорог рыл копытом мёрзлую землю, добывая корни. Он не смотрел на них. Но Тур знал: он чувствует. Старый зверь не боится. Он ждёт.

Ворн поднял лук. Натянул тетиву. Стрела ушла в бок носорога — коротко, глухо, как удар в мокрое дерево. Зверь дёрнулся. Не от боли — от неожиданности. Потом медленно, очень медленно повернул голову к Ворну. И бросился.

Это было страшно. Не быстро — стремительно. Огромная туша, которая только что еле стояла, вдруг сорвалась с места и понеслась вперёд, ломая лёд, вздымая фонтаны снега и чёрной воды. Ворн успел отскочить. Едва. Рог прошёл в ладони от его бедра. Он упал в снег, покатился, вскочил. Носорог развернулся — медленно, тяжело, — и снова пошёл на него.

— Бей! — заорал Тур.

Копья полетели разом. Три вонзились в бок, одно — в шею. Носорог взревел. Не так, как ревут молодые, — а хрипло, с бульканьем, будто в горле у него кипела кровь. Он развернулся к бурелому и пошёл на охотников. Гарм метнул копьё — в грудь. Оно вошло, но зверь даже не замедлился. Он ударил головой, и Гарм отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Упал на корягу, вскрикнул, схватился за бок. Из-под его руки потекла кровь — тёмная, густая.

Торг, оставшийся в лагере, был прав: носорог не убегал. Он шёл вперёд, и каждый его шаг был как удар молота. Охотники рассыпались, но он выбрал одного — молодого, с коротким копьём, — и пошёл на него. Тот попятился, споткнулся о корягу, упал. Носорог навис над ним, и его рог пошёл вниз.

Тур ударил. Он не помнил, как оказался рядом. Просто в какой-то момент он уже был там — между носорогом и упавшим охотником. Копьё он метнул в морду зверя, и оно вошло в глаз. Носорог мотнул головой, и древко сломалось, как сухая ветка. Но это дало охотнику секунду. Он откатился в сторону. Носорог развернулся к Туру.

И тут Тур увидел его глаза. Близко. Один — вытек, чёрный, пустой. Другой — живой, налитый кровью, смотрел на него с чем-то, что не было яростью. Это было узнавание. Старый зверь знал, что умрёт. И хотел забрать его с собой.

Тур выхватил нож Боры — кремниевый, с рукоятью из рога. Носорог бросился. Тур отступил в сторону — на полшага, не больше, — и ударил. Нож вошёл в шею, под челюсть, туда, где кожа была тонкой, а жилы шли близко к поверхности. Кровь хлынула горячей волной, заливая Туру руки, лицо, грудь. Носорог заревел, дёрнулся, и его рог чиркнул Тура по плечу. Боль обожгла, как огонь. Тур упал на колени, но нож не выпустил. Он провернул его, углубляя рану, и носорог наконец рухнул. Тяжело. Страшно. Прямо на него.

Тур успел откатиться. Тушу пронесло мимо, и она врезалась в корягу, ломая её с треском, как сухую кость. Носорог дёрнулся ещё раз, попытался подняться на передние ноги, но кровь уже уходила из него. Он завалился на бок, тяжело вздохнул — и затих.

Тишина. Только кровь капала с его рога и хриплое дыхание людей.

Тур поднялся. Плечо горело. Рука не слушалась. Из раны текла кровь, смешиваясь с кровью носорога. Он посмотрел вокруг. Ворн сидел на снегу, держась за бедро. Гарм лежал у коряги, стиснув бок, и сквозь его пальцы сочилась кровь. Молодой охотник, которого Тур спас, стоял на коленях, трясся, но был цел. Остальные — кто сидел, кто стоял, кто прижимал к себе раненую руку.

Все были живы. Но потрёпало их знатно.

— Считай, — сказал Тур хрипло.

Гарм, морщась, поднял голову:

— Двенадцать. Все двенадцать.

Тур кивнул. Он посмотрел на носорога. Тот лежал огромный, тёмный, и кровь его растекалась по льду, чёрная, как смола. Рог всё ещё торчал вверх, изогнутый, с трещинами. Тур подошёл и положил на него руку. Холодный. Тяжёлый. Мёртвый.

— Достойная смерть, — сказал он тихо. — И хорошая охота.

Он обернулся к своим. Кровь заливала ему глаз, и он стёр её тыльной стороной ладони.

— Перевязываем раны, — сказал он. — Потом свежуем. И возвращаемся. До темноты.

Они начали двигаться. Медленно, тяжело, но живые. Двенадцать из двенадцати. Как и обещал Орну.

Тур посмотрел на запад, где за скалами садилось солнце, и почувствовал, как тёмное, голодное чувство внутри него наконец насытилось. На время.

Носорог лежал на льду, и кровь его уже не текла — она застывала, густела, становилась чёрной, как смола. Ветер стих, и над низиной повисла тишина, тяжёлая, как мокрая шкура. Только вода капала с рога — мерно, глухо, как удары сердца, которое уже остановилось.

Тур поднялся первым. Плечо горело, и кровь, смешиваясь с потом, заливала глаз. Он стёр её тыльной стороной ладони, но она тут же натекла снова. Он не обращал внимания. Сначала — люди. Потом — он сам.

— Ворн, — сказал он, и голос его sounded хрипло, как скрип льда. — Твоя нога.

Ворн сидел на снегу, вытянув левую ногу. Его бедро было распорото — не глубоко, но длинно, от бедра до колена. Кровь пропитала штанину из шкуры, и снег под ним был красным. Он улыбался — криво, бледно, но улыбался.

— Царапина, — сказал он. — Я думал, будет хуже.

— Будет, если не перевязать, — сказал Тур. — Сарна научила тебя? Или мне самому?

Ворн махнул рукой — мол, справлюсь. Но руки у него дрожали.

Гарм лежал у коряги, стиснув бок. Кровь сочилась сквозь пальцы — тёмная, густая. Он смотрел на Тура снизу вверх, и в его глазах было что-то новое. Не злость. Не зависть. Что-то, похожее на уважение. Или на страх. Или на то и другое сразу.

— Ты успел, — сказал Гарм. — С носорогом. Я думал, он меня достанет.

— Он тебя достал, — сказал Тур. — Но не до конца.

Он присел рядом, разорвал зубами полосу от своей шкуры и начал перевязывать Гарма. Тот шипел сквозь зубы, но не кричал. Охотники не кричат. Они рычат.

Молодой охотник, которого Тур спас, — его звали Лан, — стоял на коленях, трясся, но был цел. Он смотрел на носорога, и в его глазах был ужас. Не страх смерти. Страх того, что он увидел. Тур подошёл к нему, положил руку на плечо.

— Ты жив, — сказал он. — Это главное. Всё остальное — заживёт.

Лан поднял на него глаза. В них стояли слёзы — не от боли, от чего-то другого. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог. Тур сжал его плечо крепче.

— Потом, — сказал он. — Сейчас — работа.

Они начали свежевать тушу. Это была тяжёлая работа, и раненые делали её медленно. Кремниевые ножи, отбитые Борой и Кремом, шли сквозь шкуру, как сквозь воду, но туша была огромной — выше человека в холке, длиной в три человеческих роста. Шкура пошла на покрывала — её резали на куски, сворачивали в рулоны, перевязывали ремнями Миры. Мясо — на плечи, в мешки из шкур. Рог — Тур отрубил его сам, тяжёлым ударом топора, и положил на снег. Он был длинный, изогнутый, с трещинами и зазубринами. Тяжёлый. Как память о том, что здесь произошло.

— Солхал, — сказал Тур тихо, глядя на рог. — Закрывающий солнце.

Гарм, лежавший у коряги с перевязанным боком, поднял голову:

— Что?

— Так его звали, — сказал Тур. — Этого зверя. Солхал. Я видел его тень. Она закрывала солнце.

Гарм помолчал. Потом кивнул.

— Солхал, — повторил он. — Хорошее имя. Для песни.

Они собрали носилки из веток и ремней — длинные, прочные, чтобы выдержать тушу. Мясо уложили сверху, шкуры — по бокам, рог Тур нёс сам. Восемь охотников взялись за ремни — четверо спереди, четверо сзади. Трое раненых шли рядом, прихрамывая, но шли. Никто не остался лежать.

Дорога назад была медленной. Носилки проваливались в снег, и охотники выбивались из сил, меняясь каждые полчаса. Тур шёл впереди, и его плечо кровоточило, но он не останавливался. Он знал: если остановиться — не дойдут. Холод не прощает слабости.

Они шли вдоль реки, той же дорогой, что и утром. Скалы сменялись низинами, низины — буреломами. Солнце клонилось к западу, и тени становились длинными, как копья. Ветер усилился, нёс снежную пыль, и идти становилось всё тяжелее.

И тут Тур остановился.

Он не знал, что его насторожило. Запах? Звук? Или то самое тёмное, голодное чувство, которое никогда не спало? Он поднял руку, и цепочка замерла. Носилки опустили на снег. Охотники переглянулись.

Тур присел на корточки и посмотрел на снег. Здесь, у поворота реки, где скалы смыкались с низиной, снег был нетронутым. Кроме одного места. Там, у самой кромки кустарника, были следы.

Человеческие. Три пары. Один — большой, тяжёлый. Двое — поменьше. Они шли не гуськом, а рядом, как ходят те, кто не боится, что их увидят. И они были свежими. Очень свежими. Снег в отпечатках ещё не затвердел. Они прошли здесь не больше часа назад.

— Разведчики, — сказал Ворн тихо. Он уже стоял рядом, прихрамывая на раненую ногу, но глаза у него были острые, как у ворона. — Трое.

Гарм подошёл, присел, провёл пальцем по краю следа. Он морщился от боли в боку, но читал снег так же хорошо, как раньше.

— Один тяжёлый, — сказал он. — Большой. Двое легче. Они шли в сторону нашего лагеря. Или возвращались.

— Куда ведут следы? — спросил Тур.

Гарм поднял голову и посмотрел на запад. Потом на восток. Потом снова на следы.

— В обе стороны, — сказал он. — Один след старый — они шли здесь утром. Второй свежий — они вернулись. Час назад. Может, меньше.

Тур молчал. Он смотрел на следы, и в его голове складывалась картина. Трое. Не воинов — разведчиков. Они пришли не за мясом. Они пришли смотреть. Считать. Запоминать. Сколько людей в лагере, где стоят землянки, когда выходят охотники, когда спят. Это была не охота. Это была подготовка.

— Они видели лагерь, — сказал Тур.

— Или увидят, — сказал Ворн. — Если ещё не вернулись к своим.

Тур выпрямился. Плечо дёрнуло болью, но он не обратил внимания. Он посмотрел на своих охотников. Восемь несли носилки. Трое ранены. Все устали. Все голодны. Но все смотрели на него и ждали.

— Мы не идём домой, — сказал Тур.

Гарм поднял голову:

— Что?

— Мы не идём домой, — повторил Тур. — Мы идём за ними. Пока они не ушли далеко. Пока они не рассказали своим, что видели.

— Мы не можем, — сказал Гарм. — Мы ранены. Мы еле идём. Если мы пойдём за ними, мы не донесём мясо. Мы умрём в снегах.

— Мы не умрём, — сказал Тур. — Мы оставим мясо здесь. Закопаем в снег. Вернёмся за ним потом. Сначала — они.

Охотники молчали. Ветер нёс снежную пыль, и она оседала на их лицах, на их ранах, на их усталых глазах. Никто не сказал ни слова. Но Тур видел: они согласны. Все. Даже Гарм. Особенно Гарм.

— Ворн, — сказал Тур. — Ты самый быстрый. Даже с раненой ногой. Иди вперёд. Следи за ними. Не приближайся. Просто смотри, куда они идут. И возвращайся. Мы будем здесь.

Ворн кивнул. Он не улыбнулся. Он просто повернулся и пошёл — легко, пружинисто, как будто рана на бедре была не его. Через минуту он растворился в снежной дымке.

Тур посмотрел на остальных.

— Закопаем мясо, — сказал он. — Быстро. Потом — ждём.

Они начали копать. Снег был жёсткий, как соль, но они копали. Ножами, топорами, руками. Мясо уложили в яму, накрыли шкурами, завалили снегом и ветками. Рог Тур оставил при себе. Он не доверил его снегу. Он нёс его, как факел, как знамя, как память о том, что они сделали.

Потом они сели и стали ждать. Ветер выл в скалах, и снег шёл, и холод заползал под шкуры. Но они ждали. Потому что Тур сказал ждать. А Тур не сворачивал.

Глава 3